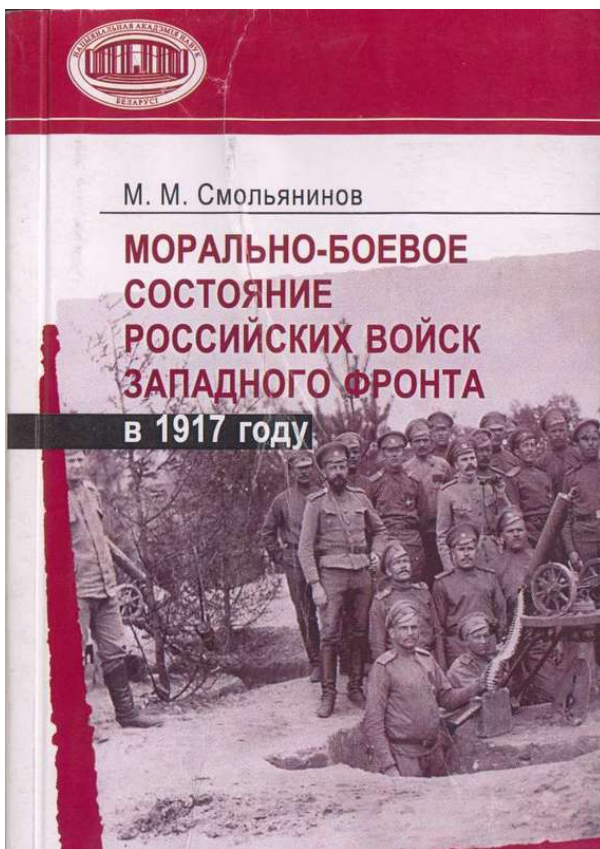

М. М. Смольянинов

**МОРАЛЬНО-БОЕВОЕ
СОСТОЯНИЕ
РОССИЙСКИХ ВОЙСК
ЗАПАДНОГО ФРОНТА
в 1917 году**

Михаил Смольянинов

**Морально-боевое состояние
российских войск Западного
фронта в 1917 году**

«Издательский дом “Белорусская наука”»

2007

Смолянинов М. М.

Морально-боевое состояние российских войск Западного фронта в 1917 году / М. М. Смолянинов — «Издательский дом “Белорусская наука”», 2007

В монографии рассказывается о проблемах российской армии в годы Первой мировой войны (1914—1918 гг.). На большом фактическом, в основном архивном материале показано, как военотехническая и экономическая отсталость царской России и поражения на Западном фронте повлияли на морально-боевое состояние российских войск. Говорится и о других причинах, вызвавших недовольство в войсках внешней и внутренней политикой самодержавия, а затем и Временного правительства. Повествуется о морально-политическом подъеме среди солдат и демократически настроенных офицеров в результате победы Октябрьской революции и начала осуществления первых революционных преобразований (провозглашение декретов о мире и земле, заключение перемирия и прекращение военных действий). Показан процесс реорганизации старой армии путем пол-ной демократизации командного состава и постепенной ее демобилизации. Книга рассчитана на научных работников — историков, преподавателей и студентов, всех, кто интересуется историей.

© Смолянинов М. М., 2007

© Издательский дом “Белорусская наука”, 2007

Содержание

Введение	6
Глава 1	11
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Михаил Митрофанович Смольянинов

Морально-боевое состояние российских войск Западного фронта в 1917 году

Р е ц е н з е н т ы:

член-корреспондент НАН Беларуси П. Т. Петриков,

доктор исторических наук Э. М. Савицкий,

доктор исторических наук В. Е. Козляков

Введение

Проблема состояния русской армии в годы Первой мировой войны имеет богатую историографию. Историки и публицисты проявляли большой интерес к этой теме после 1917 г. Об армии подготовлены и изданы специальные монографические труды, мемуарные произведения и документальные сборники, написаны диссертационные работы, опубликованы параграфы и разделы в многочисленных изданиях по истории Октябрьской революции.

Отношение авторов изданий и публикаций к происходившим в русской армии в указанный период событиям и процессам, их взгляд на них и оценка не однозначны.

Буржуазные историки и публицисты, генералы, другие очевидцы и участники событий тех лет, оценивая происходившие в русской армии процессы с государственной точки зрения, с точки зрения воинских уставов и законов, квалифицировали их как разложение русской армии, противодействовали их развитию¹. Историки и публицисты – представители партий революционной демократии (большевики, эсеры и меньшевики), подходя к этим процессам с классовых позиций, видели в них революционные аспекты, способствовали их развитию с целью разрушения старой армии, как оплота изжившего себя самодержавного строя. Советские историки рассматривали происходившие в царской армии события и процессы только через призму революционного движения, борьбы большевиков за привлечение солдатских масс на сторону революции. Нередко в угоду политической конъюнктуре эта деятельность большевиков в значительной мере преувеличивалась.

Советскую историографию проблем русской армии в годы Первой мировой войны и проблем Февральской буржуазно-демократической и Октябрьской социалистической революций 1917 г., при разработке которых исследователи в той или иной мере затрагивали проблемы русской армии, условно можно разделить на два периода: историографию 1917 г. – первой половины 1950-х гг. и историографию второй половины 1950—1980-х гг.

В первые годы Советской власти активными революционерами, очевидцами и участниками событий той поры были написаны воспоминания, статьи, брошюры². В эти годы были сделаны первые попытки научно обобщить события и деятельность большевиков в русской армии³, опубликованы работы о революционном движении в Беларуси и на Западном фронте⁴. Трудом этих лет было положено начало политизации исторических событий. В них элементы стихийной деятельности масс в революции подменялись целенаправленной деятельностью большевиков, во многих случаях не подкрепленной конкретными фактами. Авторы необоснованно и незаслуженно преувеличивали роль отдельных личностей в деятельности большевиков по привлечению трудящихся Беларуси и солдат Западного фронта на сторону революции. В их трудах И. В. Сталин представлен как второй, после В. И. Ленина, вождь революции, а

¹ См.: Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991; Мартынов Е. И. Царская армия в Февральском перевороте. М., 1927; Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. М., 1991; Данилов Ю. Н. На пути к крушению (Очерки из последнего периода русской монархии). М., 1992.

² Кнорин В. Революция и контрреволюция в Белоруссии. Смоленск, 1920; Он же. 1917 год в Белоруссии и на Западном фронте. Минск, 1925; Дмитриев И. Октябрь в Орше // Пролетарская революция. 1922. № 10; Петров Н. Октябрьские дни в действующей армии // Пролетарская революция. 1925. № 3(38); Мясников А. Ф. Подготовка Октября // Бальшавік Беларусі. 1927. № 3; Фомин В. Съезд депутатов армий и тыла Западного фронта в апреле 1917 г. // Пролетарская революция. 1927. № 4(63).

³ Рабинович С. Е. Работа большевиков в армии в 1917 г. // Война и революция. 1926. Кн. 6; Он же. Большевицкие военные организации в 1917 г. // Пролетарская революция. 1928. № 6(77), № 7(78); Он же. Борьба за армию в 1917 г. М.; Л., 1930; Кизрин И. Г. Распад старой армии. Воронеж, 1931.

⁴ Лелевич Г. Октябрь в Ставке. Гомель, 1922; Киржниц А. Октябрьские дни в Белоруссии // Пролетарская революция. 1927. № 12(71); Он же. Сто дней Советской власти в Белоруссии (12 ноября 1917 г. – 19 февраля 1918 г.) // Пролетарская революция. 1928. № 3; Шчарбакоў В. К. Кастрычніцкая рэвалюцыя на Беларусі і беларуская акупацыя. Мінск, 1930.

Л. М. Каганович – как организатор и руководитель Полесской организации РСДРП(б), что не отвечает истине. В то же время имена других участников Октябрьской революции в Беларуси и на Западном фронте замалчивались.

В целом исследования проблем Октябрьской революции начиная с 1930-х гг. стали свертываться. Это объясняется развитием культа личности И. В. Сталина, Великой Отечественной войной. В конце 1930-х–1940-е гг. вышли в свет лишь «Краткий курс истории ВКП(б)» и второй том «Истории гражданской войны в СССР», в которых кратко повествуется и о революционных событиях на Западном фронте⁵, отдельные журнальные статьи.

Оживление в развитии историографии Октябрьской революции и происходивших процессов в русской армии наступило с начала 1950-х гг. В этот период появились первые исследования, специально посвященные происходившим событиям на Западном фронте. К ним следует отнести прежде всего монографию Л. С. Гапоненко, кандидатские диссертации Н. Е. Гуревича, П. С. Кругликова, Х. В. Конинова и И. К. Тележкина⁶. В работах этих авторов ярко выражено влияние культа личности И. В. Сталина. Процессы и явления, происходившие в русской армии, в том числе и на Западном фронте, рассматривались ими через призму революционной целесообразности и как организованные большевиками, при отсутствии какой-либо стихийности событий.

К 40-летию Октябрьской революции подготовили и издали свои работы белорусские историки В. Г. Ивашин, Н. В. Каменская, И. И. Саладков, Г. А. Гречкин, Е. Д. Диренок. Исследуя вопросы подготовки и проведения Октябрьской революции в Беларуси и отдельных ее губерниях, они кратко касались событий и на Западном фронте.

В последующие 30 лет продолжалось активное исследование вопросов истории Октябрьской революции и установления Советской власти, а в комплексе с ними и вопросов революционного движения в русской армии. В эти годы вышли в свет работы И. И. Минца, П. А. Голуба, А. М. Андреева, Е. Н. Городецкого, О. Н. Знаменского, Н. Я. Иванова, В. И. Миллера, Н. М. Якупова, Т. Ф. Кузьминой⁷ и других историков, в которых затронуты отдельные аспекты событий, имевших место на Западном фронте.

В эти годы более глубоким и всесторонним исследованием проблемы Октябрьской революции и установления Советской власти в Беларуси занимались белорусские историки. В работах И. М. Игнатенко, В. Г. Ивашина, П. А. Селиванова, А. Г. Хохлова и других авторов⁸, а

⁵ Краткий курс истории ВКП(б). М., 1934; История гражданской войны в СССР. Т. 2. М., 1942.

⁶ Гапоненко Л. С. Солдатские массы Западного фронта в борьбе за власть Советов. М., 1953; Гуревич Н. Е. Борьба большевиков за солдатские массы на Западном фронте в 1917 году (март – октябрь): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1949; Кругликов П. С. Большевики Минской губернии и Западного фронта в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции (февраль 1917 – март 1918): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1955; Конинов Х. В. Большевики Западного фронта в борьбе за подготовку и проведение Великой Октябрьской социалистической революции (март – ноябрь 1917 г.): Дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1954; Тележкин И. К. Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции на Западном фронте (февраль – ноябрь 1917 г.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1950.

⁷ Минц И. И. История Великого Октября: В 3 т. М., 1968–1973. Т. 2, 3; Голуб П. Партия, армия и революция. Отвоение партий большевиков армии на сторону революции. Март 1917 – февраль 1918 г. М., 1967; Андреев А. М. Солдатские массы гарнизонов русской армии в Октябрьской революции. М., 1975; Городецкий Е. Н. Рождение Советского государства. М., 1965; Знаменский О. Н. Июльский кризис 1917 года. Л., 1963; Иванов Н. Я. Корниловщина и ее разгром. Л., 1965; Миллер В. И. Солдатские комитеты русской армии в 1917 г.: Возникновение и начальный период деятельности. М., 1974; Якупов Н. М. Борьба за армию в 1917 году: Деятельность большевиков в прифронтовых округах. М., 1975; Кузьмина Т. Ф. Революционное движение солдатских масс центра России накануне Октября. М., 1978; Протасов Л. Г. Солдаты гарнизонов Центральной России в борьбе за власть Советов. Воронеж, 1978.

⁸ Игнатенко И. М. Беднейшее крестьянство – союзник пролетариата в борьбе за победу Октябрьской революции в Белоруссии (1917–1918 гг.). Минск, 1962; Он же. Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии. Минск, 1986; Ивашин В. Г. Большевики Белоруссии и Западного фронта в борьбе за осуществление ленинского Декрета о мире. Минск, 1972; Селиванов П. А. На защите завоеваний Октября. Минск, 1971; Он же. Военная деятельность Советов Белоруссии в 1917–1920 гг. Минск, 1980; Хохлов А. Красная гвардия Белоруссии в борьбе за власть Советов (март 1917 – март 1918 г.). Минск, 1965; Смольянинов М. М. Революционное движение солдатских масс на Западном фронте в 1917 году. Минск, 1981.

также в коллективных трудах⁹ нашли отражение процессы и события, происходившие в войсках Западного фронта.

Следует отметить, что работы советских историков второй половины 1950 – первой половины 1980-х гг. отличаются своей аргументацией и доказательностью, стали более объективными. В них заметно уменьшилось влияние культа личности И. В. Сталина и догм «Краткого курса истории ВКП(б)». Однако процессы и события, происходившие в стране и армии, в том числе и в Беларуси и на Западном фронте, по-прежнему рассматривались историками только через призму революционной целесообразности и деятельности большевиков. Причем деятельность эта в значительной мере преувеличивалась. Однако некоторые исследователи отмечали и негативные явления в революционной деятельности большевиков, которые имели место в русской армии и свидетельствовали о ее разложении еще до Февральской революции.

До недавнего времени в исторической литературе утверждалось, что на Западном фронте уже до Февральской революции было создано и функционировало более 30 большевистских организаций. Более глубокое исследование этого вопроса показало, что такое утверждение не отвечает истине. Установлено, что до второй половины 1950-х гг. каких-либо сведений о численности большевистских организаций до Февральской революции на Западном фронте в исторических трудах не имелось. И не случайно. В условиях преследования царскими властями деятельности партий на Западном фронте до Февральской революции большевистских организаций не было. Действовали лишь (и это подтверждают очевидцы-революционеры и активные участники событий тех дней) в некоторых частях небольшие большевистские группы из трех-четырёх человек, которые были разрозненны, связей между собой и с большевистскими центрами не всегда поддерживали и функционировали в глубоком подполье.

Впервые сведения о 20 большевистских организациях на Западном фронте до Февральской революции привел в своей кандидатской диссертации Ф. С. Безродный¹⁰. Автор назвал эту цифру без ссылки на какой-либо источник или на материалы, на основании которых ему удалось это установить. Затем эту цифру со ссылкой на своего диссертанта привел в первом томе своего трехтомного труда «История Великого Октября» И. И. Минц.

Несколько позже, в 1966 г., во втором томе шеститомной «Истории КПСС» уже говорится о том, что «по приблизительным подсчетам на Западном фронте было создано более 30 большевистских организаций»¹¹. И в этом случае без ссылки на источник и без оговорки, по каким материалам проводились подсчеты. После этого последняя цифра стала приводиться во многих исследованиях по истории Октябрьской революции, в том числе и отдельными белорусскими историками¹².

Третьим этапом в развитии историографии проблем русской армии в годы Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций в 1917 г. является период с конца 1980-х – первой половины 1990-х гг. Он тесно связан с так называемой «перестройкой» советского общественно-экономического строя. В эти годы был открыт большой доступ ученым в архивы. Исследование ранее неизвестных, считавшихся секретными, документов и материалов способствовало более объективному освещению исторических событий.

⁹ Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии. Ч. 1 (1883–1920). Минск, 1968; Победа Советской власти в Белоруссии. Минск, 1967; Гісторыя Беларускай ССР. Т. 3. Мінск, 1973 и др.

¹⁰ Безродный Ф. С. Революционная работа партии большевиков в царской армии в период первой мировой войны (1914 – март 1917 г.): Дис. ...канд. ист. наук. М., 1954.

¹¹ История Коммунистической партии Советского Союза: В 6 т. Т. 2. М., 1966. С. 560.

¹² Скоробогатый В. Возникновение и основные этапы становления большевизма в Белоруссии (1903–1917 гг.). Минск, 1973. С. 175; Большевики Белоруссии в борьбе за победу Октября / А. С. Король, Н. С. Сташкевич, А. Ф. Хацкевич и др. Минск, 1987. С. 32.

В этот период опубликовали свои монографии академик И. М. Игнатенко, кандидаты исторических наук П. К. Башко, М. М. Смольянинов¹³. Вышла из печати подготовленная коллективом авторов работа «Большевики Белоруссии в борьбе за победу Октября». Историческая литература этих лет в основном придерживалась ранее установившихся позиций при освещении событий и явлений 1917–1920 гг. Хотя в работах названных авторов освещены ранее неизвестные сюжеты и аспекты.

Монография И. М. Игнатенко «Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии» явилась фактически первой работой, в которой сделан глубокий анализ объективных и субъективных предпосылок революции, показаны начало и развитие революции в Беларуси и на Западном фронте, раскрыта ситуация, сложившаяся после революции.

П. К. Башко в монографии «Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Белоруссии (март – октябрь 1917 г.)», исследуя социально-классовый состав Советов, формы и методы их организационно-политической деятельности, борьбу политических партий за руководящую роль в них, показал взаимодействие Советов и войсковых комитетов частей и подразделений, дислоцировавшихся в городах и местечках Беларуси.

В монографии М. М. Смольянинова «Революционное сознание солдат Западного фронта в 1917 г.» дана характеристика революционных перемен на Западном фронте после Февральской революции, показано их влияние на рост революционного сознания солдат, освещен процесс осознания ими таких событий, как апрельский, июньский и июльский кризисы, и корниловщины, отражена роль политических кризисов и корниловщины в эволюции сознания солдат – от индифферентности до целенаправленного революционного действия.

А. С. Король, Н. С. Сташкевич, А. Ф. Хацкевич и соавторы в книге «Большевики Белоруссии в борьбе за победу Октября», освещая участие большевиков Беларуси в борьбе за победу Октябрьской революции, показали отдельные аспекты деятельности других социалистических партий, в том числе и в войсках Западного фронта. Однако в целом деятельность большевиков по привлечению солдатских масс на сторону революции, по осуществлению революционных преобразований в частях, соединениях и армиях фронта авторами, подготовившими разделы о фронте, несколько идеализирована. Процесс установления Советской власти в частях и соединениях проходил сложнее и многообразнее, а не по одному сценарию, управляемому большевиками. Кроме того, в работе допущены некоторые неточности. В частности, при освещении вопроса о победе революции на фронте автор (А. Ф. Хацкевич) утверждает, что Минский Военно-революционный комитет (ВРК), «получив весть о событиях в Петрограде в ночь с 24 на 25 октября, немедленно... обратился с воззванием к солдатам...»¹⁴. В действительности в это время ВРК еще не был создан. Его создание относится к 27 октября – 2 ноября 1917 г.

В первой половине 1990-х гг., с распадом мировой системы социализма и развалом СССР, когда была поставлена под сомнение марксистско-ленинская методология исследований, подверглись переосмыслению многие вопросы теории и практики марксистско-ленинской теории о революции. Это заметно отразилось на количественной стороне исследований и публикаций по истории революции в Беларуси и на Западном фронте. В эти годы с учетом новых подходов были опубликованы монография И. М. Игнатенко «Кастрычніцкая рэвалюцыя на Беларусі» и «Нарысы гісторыі Беларусі»¹⁵, в которых в сжатой форме повествуется и о революционных событиях на Западном фронте, и несколько научных и научно-популярных статей¹⁶.

¹³ Игнатенко И. М. Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии. Минск, 1986; Башко П. К. Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Белоруссии (март – октябрь 1917 г.). Минск, 1987; Смольянинов М. М. Революционное сознание солдат Западного фронта в 1917 г. Минск, 1991.

¹⁴ См.: Большевики Белоруссии в борьбе за победу Октября. С. 200.

¹⁵ Игнатенко И. М. Кастрычніцкая рэвалюцыя на Беларусі: асаблівасці і вынікі. Мінск, 1995; Нарысы гісторыі Беларусі. Ч. 2. Мінск, 1995.

¹⁶ Башко П. К. Контрреволюционеры или оппозиционеры? // Крыжовы шлях: Дапам. для вывуч. гісторыю Беларусі. Мінск,

Таким образом, специальных обобщающих работ, освящающих процессы и явления, происходившие в армиях Западного фронта в годы Первой мировой войны, в последние годы не было подготовлено. В связи с этим автор данной работы сделал попытку на основе главным образом архивных источников, путем беспристрастного, объективного подхода показать материальное и моральное состояние армий Западного фронта накануне Февральской революции, проанализировать влияние последней и связанных с ней политических событий и процессов на морально-политическое и боевое состояние войск фронта, на их дисциплину и боеготовность в период от Февральской революции до Октябрьской, показать осуществление политики партий революционной демократии, направленной на демократизацию войска, и завершение демократизации и демобилизацию старой армии взявшими власть в стране большевиками.

1993. С. 165–180; Игнатенко И. М. Октябрьская революция в Белоруссии // Беларуская думка. 1993. № 11; Он же. Февральская революция. 1917 год в Белоруссии // Беларуская думка. 1994. № 2; Ён жа. Кастрычніцкая рэвалюцыя: прычыны і сутнасць // Беларускі гістарычны часопіс. 1994. № 6; Смольянінаў М. М. Трагедыя пачатку XX ст. (Да 80-годдзя пачатку першай сусветнай вайны) // Беларускі гістарычны часопіс. 1994. № 3; Ён жа. Аб маральна-палітычным і баявым стане войск Заходняга фронту напярэдадні Кастрычніцкай рэвалюцыі // Весці Акадэміі навук Беларусі. Сер. грамадскіх навук. 1995. № 1; Ён жа. Лютаўская трагедыя 1918 года // Чырвоная змена. 1994. 31 сак.; Ён жа. Ваеннае нашесце 1915 года // Чырвоная змена. 1995. 11 кастр.; Ён жа. Нарачанская аперацыя першай сусветнай вайны // Чырвоная змена. 1996. 3 верас. і др.

Глава 1

Материальное и моральное состояние армий Западного фронта накануне Февральской революции

1 августа 1914 г. двумя группировками крупнейших империалистических держав – Тройственным союзом (Германия, Австро-Венгрия, Италия) и Антантой (Англия, Франция, Россия) – была начата Первая мировая война. Обе группировки старательно готовились к войне. Разрабатывая свои планы, каждая из сторон рассчитывала на быстрый разгром своего противника. Однако уже первый год военных действий показал, что расчеты противников на быстротечность войны не оправдались. Она принимала затяжной и ожесточенный характер. Перед каждой из воюющих сторон встал вопрос о материальном обеспечении войск и людских пополнениях, так как мобилизационные запасы были быстро исчерпаны.

Особенно остро этот вопрос встал перед Россией. По признанию самого генералитета, «война застала русское военное ведомство еще не закончившим заготовку всего того, что было необходимо для армии»¹⁷. Уже после двух первых месяцев войны, в конце сентября 1914 г., из штаба Юго-Западного фронта в Ставку Верховного главнокомандующего впервые поступили сведения о недостатке снарядов, а в октябре – требования увеличить производство винтовок, ружейных патронов, телеграфного и телефонного имущества, усилить деятельность тыла по снабжению армии всем необходимым¹⁸. Однако в этот период, по словам генерала А. С. Лукомского, главные довольствующие армию управления, убежденные в краткости войны, не придавали тревожным сигналам с фронта серьезного значения, «медленно и неохотно делали крупные заказы».

Между тем, несмотря на возникшие первые большие сложности со снабжением войск, на фронте, как и в стране в целом, продолжал царить дух высокого патриотизма, перераставший в бешеный шовинизм. Царское правительство, буржуазные партии, православное духовенство уже накануне войны, развернув массовую идеологическую кампанию с целью психологической подготовки населения к войне, смогли призвать население к гражданскому согласию во имя защиты Отечества. На стороне патриотических сил выступили также и эсеро-меньшевики.

Единственной партией, выступившей против войны, была РСДРП(б), которая отказалась поддержать царское правительство и признавала полезным (в интересах пролетариата) поражение его и войск в войне.

Несмотря на жестокие преследования и цензуру, большевики стремились к пропаганде своих идей в войсках фронта. Так, по доставленным из департамента полиции в Ставку Верховного главнокомандующего сведениям было установлено, что эта партия, «стремящаяся к ниспровержению существующего государственного строя, с начала открытия военных действий занялась пропагандой идей о необходимости скорейшего окончания войны»¹⁹. Дежурный генерал при Верховном главнокомандующем генерал П. К. Кондзеровский по приказанию начальника штаба Ставки 25 ноября 1914 г. сообщил об этом, а также о содержании принятой большевиками на Циммервальдской конференции резолюции (в ней, по словам донесения, признавалось, что «лозунгом социал-демократии в настоящее время должны быть всесторонняя распространяющаяся в войске и театре военных действий пропаганда социалистической революции; безусловная необходимость организации для такой пропаганды нелегальных ячеек

¹⁷ Лукомский А. С. Период Европейской войны. Начало разрухи России. Борьба с большевиками. Воспоминания. Т. I. Берлин, 1922. С. 57.

¹⁸ Там же; Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. Минск, 1991. С. 99.

¹⁹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2110. Оп. 3. Д. 68. Л. 10.

и групп в войсках и пропаганда республики») и о подготовленных ими, по словам того же донесения, «для распространения двух прокламациях к нижним чинам и студенчеству, в которых... развивались те же идеи вооруженной борьбы с правительством», передавал приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего главнокомандующему Северо-Западным фронтом принять «самые энергичные меры» против пропаганды, «следя за всякими организациями и добровольцами из студентов»²⁰. Спустя месяц, 28 декабря того же года, генерал Кондзеровский телеграфировал начальнику штаба Северо-Западного фронта о том, что «по полученным агентурным сведениям проживающие в России евреи и агитаторы различных политических партий стремятся распространять в действующей армии воззвания, призывающие войска воспользоваться своими победами над мировым врагом и предъявить русскому правительству требования осуществления основных идеалов, проповедуемых революционными партиями»²¹. В телеграмме сообщалось, что воззвания эти рассылались по почте в посылках лицам, находившимся в действующей армии.

Чтобы избежать изъятия воззваний и листовок цензурой, они отправлялись с «соблюдением всех мер предосторожности»: в ящиках с двойным дном, под подкладкой пересылаемой одежды и т. п.

Содержание агентурных сведений тиражировалось в штабах и рассылалось в подведомственные управления и штабы для «принятия самых энергичных мер против пропаганды в частях и учреждениях армий»²².

С первых дней войны антиправительственную и антивоенную пропаганду большевики стали проводить среди войск, дислоцировавшихся и на территории Беларуси. Уже в сентябре 1914 г. в частях на территории Витебской губернии распространялись антивоенные листовки «К солдатам!», «На борьбу с тиранами!», «К народу!», в которых с большевистской точки зрения разъяснялся характер войны, говорилось о ее виновниках и звучал призыв повернуть оружие против последних. Об антивоенной и антиправительственной агитации большевиков в первые месяцы войны и возникновении социал-демократической организации в Минске сообщал в ноябре 1914 г. в Департамент полиции начальник Минского губернского жандармского управления²³.

Таким образом, большевики выступили против войны с самого ее начала. Подходя к оценке причин и целей войны с классовых позиций, они считали ее «империалистической», «захватнической» для всех воюющих сторон и призывали трудящихся этих стран к превращению войны империалистической в войну гражданскую, против своих правительств, развязавших войну²⁴. Не поддержанные в этом социал-демократическими партиями II Интернационала большевики остались в одиночестве, но последовательно продолжали проводить антивоенную политику в своей стране, прежде всего в ее вооруженных силах.

Большевики стремились использовать недовольство солдат неудачными операциями на фронте, плохим снабжением и мрачными вестями из тыла. Однако на фоне общего патриотического подъема, вызванного войной, в условиях жестокого преследования, усиленной военной цензуры они заметного влияния в войсках на фронте в начальный период войны не имели.

Война легла тяжелым бременем на экономику страны, особенно на сельское хозяйство. Всеобщая мобилизация 1914 г., объявленная в разгар уборочной кампании, призыв в действующую армию более 7 миллионов человек (довоенная армия насчитывала 1,4 миллиона чело-

²⁰ РГВИА. Ф. 2110. Оп. 3. Д. 68. Л. 10.

²¹ Там же. Л. 17.

²² Там же. Л. 10, 17.

²³ Революционное движение в армии и на флоте в годы первой мировой войны. 1914 – – февраль 1917 г.: Сб. док. М., 1966. С. 86, 141, 154.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 8.

век) тяжело отразились на экономическом положении деревни. Призывники составляли большую часть трудоспособного сельского населения.

С самого начала войны с огромным напряжением работали железные дороги страны, особенно западного направления. С развитием военных действий возрастал объем оперативных перевозок артиллерийского вооружения, различного войскового снаряжения и имущества. Перевозки вооружения и боевого снаряжения из-за недостатка подвижного состава нередко вытесняли перевозки продовольственных грузов и фуража из районов их основного производства и массовой заготовки для фронта – Степного района, Поволжья, Западной Сибири. Например, только владелец имения «Эртильская степь» Воронежской губернии князь В. Н. Орлов подрядился поставить в 1914–1916 гг. 3-му армейскому корпусу 55 тысяч пудов овса. Поставки овса интендантству этого корпуса в 1915 г. предусматривались крестьянами Крутичино-Байгорской волости и других селений Тамбовской губернии²⁵.

Лишь с начала войны до конца 1914 г. фронт сравнительно мало ощущал недостатки продовольствия, недопоставка которого из глубинных районов страны в значительной мере восполнялась за счет ресурсов мест дислокации войск. Для удовлетворения потребностей фронта военные и гражданские власти проводили реквизиции скота, хлеба и фуража у местных жителей.

По причине отсталости и неподготовленности русской армии к войне в военно-техническом отношении, бездарности Верховного командования, его зависимости от командования союзных армий, а следовательно, поспешности, ошибок в стратегии и тактике при проведении операций войска с первых дней военных действий терпели одно поражение за другим.

Тяжелое поражение войск Северо-Западного фронта в Восточной Пруссии и неудачи в наступательных операциях и сражениях войск Юго-Западного фронта в Галиции в 1914 г., огромные потери в русской армии (только в Галицийской операции – 230 тысяч человек²⁶) по причине бездарности Верховного командования, отсутствия достаточного вооружения, боеприпасов и снаряжения вызвали в войсках брожение умов и стихийный протест против войны.

Первыми формами стихийного протеста были добровольная сдача в плен, дезертирство и саморанения. Причем к саморанениям с целью избежать от военной службы прибегали не только в войсках, а уже при призыве, и они приняли такое широкое распространение, что заставили Верховное командование уже 16 октября 1914 г. издать приказ, предписывавший на период войны за умышленное членовредительство строгие карательные меры, вплоть до смертной казни²⁷.

К концу 1914 г., и особенно в 1915 г., широкое распространение получила и такая стихийная форма антивоенного движения, как дезертирство. Уже в сентябре 1914 г. Новогрудский уездный исправник телеграфировал минскому губернатору о том, что следует «всех нижних чинов Лидского полка полагать беглыми с театра военных действий»²⁸. Особенно популярным было бегство солдат из поездов в пути следования на фронт. Об этом свидетельствуют многие донесения, рапорты и телеграммы начальствующих лиц в вышестоящие органы власти²⁹.

Например, в изданном в конце 1914 г. циркуляре Департамента полиции отмечались «массовые случаи побегов легко раненых нижних чинов с санитарных поездов, которые затем или направляются к себе домой, или шатаются по окрестным селениям без всякого надзора»³⁰.

²⁵ РГВИА. Ф. 2185. Оп. 2. Д. 35, 36.

²⁶ Вержховский Д. В., Ляхов В. Ф. Первая мировая война: 1914–1918 гг.: Воен. – ист. очерк. М., 1964. С. 79.

²⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 3. Д. 29. Л. 4.

²⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 295. Оп. 1. Д. 859. Л. 364.

²⁹ Революционное движение в армии и на флоте в годы первой мировой войны. 1914 – февраль 1917 г. М., 1966. С. 86, 141, 154.

³⁰ Суряев В. Н. Революционное движение солдатских масс на Западном фронте и в прифронтовой полосе в годы первой

Позорным явлением, свидетельствующим о начале разложения армии, была добровольная в массовом порядке сдача солдат в плен. Такие факты отмечал, например, в приказе по 10-й армии от 3 ноября 1914 г. командующий армией генерал Сиверс³¹. Случаи сдачи в плен целыми ротами в конце ноября 1914 г. отмечал главнокомандующий Северо-Западным фронтом генерал Н. В. Рузский³².

С отступлением русских войск из Галиции, Польши и Восточной Пруссии в результате весенне-летней кампании 1915 г. к августу огненный смерч войны докатился до Беларуси. Фронт стабилизировался по линии от Рижского залива до устья Дуная. На территории Беларуси по линии Двинск – Сморгонь – Барановичи – Пинск дислоцировались войска Западного фронта. Четверть территории была оккупирована германскими войсками.

Отступление русских войск и перенесение военных действий на территорию Беларуси нанесли огромный ущерб ее народному хозяйству. В 1915 г. в связи с наступлением германских войск были эвакуированы в глубь империи 432 фабрично-заводских предприятия. До конца того же года на не оккупированной части Беларуси осталось только 139 таких предприятий, большинство из которых работало с перебоями и выполняло в основном военные заказы для фронта. Кроме того, военным ведомством тут был открыт ряд новых предприятий по производству обмундирования, ремонту вооружения и военной техники. В результате сильно сократилось производство товаров широкого потребления.

Военное положение Беларуси, захват противником части территории особенно отрицательно отразились на сельском хозяйстве. Потеря территории, массовые мобилизации мужчин, реквизиции лошадей для нужд армии лишили деревню основных рабочих рук и тягловой силы, привели к сокращению посевов продовольственных культур, а выращенный урожай не был полностью собран. Посевы озимых культур в значительной части уничтожались передвижением войск, волной беженцев, прогоном военных гуртов скота.

Тяжким бременем для сельских жителей прифронтовых губерний являлись военно-оборонительные работы: строительство мостов, дорог, рытье окопов и т. д., часто требовавшие многодневного участия в них сотен и тысяч трудоспособных мужчин и женщин вместе с гужевым транспортом.

Так, летом 1915 г., в самый разгар полевых работ, только в Гродненском уезде из 17 490 трудоспособных мужчин на военно-инженерных работах в Гродненской крепости, охране железнодорожных линий, других казенных работах, по неполным данным, одновременно было занято свыше 10 тысяч человек и около тысячи подвод. В июле волковысскому уездному исправнику было предписано «немедленно отправить на военные работы 400 рабочих»³³. У минского губернатора военные власти требовали для строительства подъездов к мосту через Березину в Бобруйске 400 рабочих и 200 подвод сроком на четыре недели. В Новогрудском уезде, по сообщению уездного исправника минскому губернатору, «оставшееся население не занятой неприятелем части уезда было почти все занято исключительно работами по укреплению позиций»³⁴. Таким положение было повсеместно в прифронтовой полосе.

Тягостное впечатление на солдат действующей армии производили двигавшиеся на восток из мест военных действий – Польши, Литвы и Западной Беларуси – огромные массы беженцев, переполняя города и местечки не оккупированной части Беларуси. К осени 1915 г. только на территории Минской губернии скопилось до 120 тысяч беженцев³⁵, в Гомеле и

мировой войны (июль 1914 – – март 1917 г.): Дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1991. С. 151.

³¹ РГВИА. Ф. 2230. Оп. 1. Д. 315. Л. 32.

³² РГВИА. Ф. 2230. Оп. 1. Д. 315. Л. 44.

³³ Игнатенко И. М. Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии. С. 47–48; Документы и материалы по истории Беларуси (1900–1914 гг.). Минск, 1953. Т. 3. С. 821–822.

³⁴ Документы и материалы по истории Беларуси (1900–1914 гг.). С. 791.

³⁵ Там же. С. 813–814.

окрестностях – около 300 тысяч, в Витебске – более 90 тысяч³⁶. Не имевшие средств к существованию беженцы являлись тяжелым бременем для местных жителей. Военные и гражданские власти, чтобы облегчить участь несчастных людей, предотвратить распространение эпидемических заболеваний, делали попытки эвакуировать беженцев в более благополучные восточные губернии. Однако из-за разрухи на транспорте и отсутствия необходимых средств это не всегда удавалось.

Население не оккупированной части Беларуси, испытывая также все тяготы войны, делилось с беженцами съестными припасами, фуражом, одеждой и обувью, предоставляло кров. «Самое участливое, гуманное отношение к беженцам» жителей Минской, Витебской, Смоленской и Псковской губерний отмечала в своих сводках военная цензура³⁷. Однако оказать помощь всем было невозможно. Свыше 35 тысяч беженцев находились под открытым небом в лесах и на полях в районе железнодорожных станций Койданово, Столбцы и Городея, от 20 до 40 тысяч человек находились в имении Хмельники около Бобруйска, до 64 тысяч – в районе Речицы, в других местах. В условиях голода, холода, антисанитарии, отсутствия медицинской помощи беженцы ежедневно десятками умирали. Кроме того, таборы и обозы беженцев часто подвергались артиллерийским обстрелам и бомбежкам авиации противника, несли потери.

Характерно, что до конца 1915 г., как свидетельствуют сводки армий и фронта о настроении войск, составленные по данным военной цензуры, в войсках не замечалось упадка морального духа солдат в связи с неудачами в боях и отступлением. Последнее, как правило, командованием объяснялось стратегической необходимостью. Стабилизация фронта, появившаяся возможность для отдыха, поступление в части и соединения новых хорошо экипированных пополнений, активный подвоз снарядов и оружия вызвали в войсках фронта, по словам тех же сводок, «бодрое настроение», «веру в победу» над врагом. Несколько пониженное от усталости, тягот и лишений фронтовой службы настроение наблюдалось у солдат старших возрастов³⁸. Отмечались отдельные жалобы на недостаток теплой одежды и сапог, чаще – на недостаток фуража.

Удручающее влияние на моральное состояние солдат Западного фронта оказывало бедственное положение беженцев. Как сообщали военные цензоры в сводке за октябрь, в частях войск было замечено, что «стихийная волна беженцев производила на войска огромное и тягостное впечатление». Положение еще больше усугублялось доходившими до солдат сообщениями из писем от родных о вызванных «наплывом беженцев во внутренние губернии империи, дороговизне жизни и повышенной заболеваемости местного населения».

В 1915 г. русская армия потерпела ряд поражений и понесла очень большие потери, вынуждена была отступить по всему фронту, но, как свидетельствуют сводки и признания генералов, «морально армия не была сломлена»³⁹. «Офицерский состав в своих письмах», сообщила военная цензура, также отзывался о солдатах с хорошей стороны, отмечая их «замечательный подъем духа и уверенность в победе»⁴⁰. «Все неудачи 1915 г. объяснялись исключительно недостатками материальной части. Армия, приведенная в порядок, пополненная и снабженная боевыми припасами, верила в себя, была уверена в победе над врагом», – писал генерал А. С. Лукомский⁴¹. К этому следует добавить еще недооценку Верховным командованием сил противника, его неумение управлять войсками, которые привели к огромным территориальным потерям и в живой силе.

³⁶ Игнатенко И.М. Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии. С. 40.

³⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 20.

³⁸ Там же. Л. 20, 22, 23, 27.

³⁹ Лукомский А. С. Воспоминания. Период Европейской войны. Т. 1. С. 105.

⁴⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 23.

⁴¹ Лукомский А. С. Воспоминания. Период Европейской войны. Т. 1. С. 104.

Учитывая печальный опыт военных действий 1914–1915 гг., союзное командование (русской, французской и английской армий) все больше понимало необходимость согласованных военных действий. С этой целью дважды (в декабре 1915 г. и в феврале 1916 г.) в Шантильи, в ставке французского главнокомандования, состоялись межсоюзнические конференции по разработке плана согласованных военных действий. Представители главнокомандований стран Антанты договорились оказывать помощь той союзной армии, которая подвергнется нападению со стороны вооруженных сил Тройственного союза.

Предреволюционный 1916 г. был начат активными военными действиями германцев против французов. 21 февраля германские войска начали наступление против Вердена и потеснили французские войска. Уже 3 марта представитель французского Верховного командования при русской Ставке передал начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу М. В. Алексееву письмо от Верховного командования французской армии, в котором оно требовало от русских перейти в наступление и оттянуть часть германских сил на себя.

В ответ на обращение французского командования за помощью Верховное командование русской армией 24 февраля 1916 г. провело совещание в Ставке с главнокомандующими фронтами и начальниками штабов, другими служебными лицами, на котором было принято решение о проведении военной операции на стыке Западного и Северного фронтов (район озер Вишневецкое – Нарочь – г. Поставы). К этому побуждали перевес в этом районе сил над противником и наиболее выгодная конфигурация фронта.

Командованием Западного фронта главная задача в операции была возложена на занимавшие тут позиции войска 2-й армии (командующий генерал В. В. Смирнов, начальник штаба генерал Ставров). С этой целью более чем в два раза был увеличен ее состав, который к моменту наступления насчитывал 10 корпусов, в том числе один кавалерийский, Уральскую казачью дивизию и отдельную кавалерийскую бригаду, общей численностью свыше 400 тысяч штыков и сабель. На вооружении войск находились значительные наступательные средства – 605 легких артиллерийских пушек, 168 тяжелых. Кроме того, в ходе операции на укрепление армии были переданы 114 пушек тяжелых артиллерийских дивизионов, что обеспечивало перевес над противником тяжелой артиллерии почти в два раза. В два раза перевес русских над германцами был также в саблях и почти в пять раз в штыках.

Ранним утром 18 марта по приказу Верховного главнокомандующего – царя Николая II, войска 2-й армии начали военные действия, не успев к ним полностью подготовиться. В течение двухнедельных боев, сопровождавшихся яростными атаками, русские войска не смогли достигнуть намеченного рубежа, понеся огромные потери – 1018 офицеров и 77 427 солдат – почти четверть личного состава 2-й армии, который был накануне Нарочской операции. Кроме того, были большие материальные потери.

Основными причинами неудач являлись поспешность проведения операции, до завершения полной подготовки к ней (не хватало снарядов, особенно для тяжелой артиллерии, винтовок и шанцевого инструмента), в неподходящий момент по времени (наступавшая весна) и неподходящей этому времени местности (низина с многочисленными озерами, речками, болотами, кустами и лесами), а также неумелое управление войсками.

Большими потерями солдат русской армии, понесенными в Нарочской операции, были спасены французы от разгрома и, возможно, Париж от захвата германцами, так как последние с самого начала операции были серьезно встревожены активностью русских на этом участке фронта. В течение всей операции германское командование вынуждено было подбрасывать сюда подкрепления.

Огромной потерей для войск в результате Нарочской операции явилось падение их морально-боевого духа. Солдаты, испытавшие тяготы и лишения наступательных действий, видевшие бессмысленную гибель множества людей – своих сослуживцев, товарищей, во многом обусловленных необеспеченностью наступавших боевыми средствами, бестолковостью

распоряжений и приказов высшего командования, скрыто выражали свое недовольство. Особенно это проявлялось в письмах, на что неоднократно указывала в своих сводках военная цензура. Например, в одной из таких сводок за март 1916 г. военный цензор отмечал «угнетенные письма», в которых солдаты «затрагивали эти бои, жаловались на большое количество у противника пулеметов и артиллерии»⁴². В сводке за апрель отмечалось, что «еще продолжают встречаться упоминания о мартовской операции. В письмах из района Постав попадались выражения неудовлетворения, якобы плохим руководством здесь боем, а также намеки на какое-то, будто бы имевшее тут место, предательство»⁴³.

Уже через две недели после Нарочской операции объединенное командование англо-французских войск, ссылаясь на принятые 12 марта 1916 г. на межсоюзнической конференции в Шантильи решения о координации военных действий, просило Верховное командование русской армии ускорить подготовку очередного наступления.

В связи с этим 14 апреля 1916 г. на совещании в Ставке Верховного главнокомандующего в Могилеве под председательством Николая II обсуждался план будущей операции. Согласно плану, войска Западного фронта должны были нанести главный удар из района Молодечно в направлении Вильно. Войскам соседних – Северного и Юго-Западного – фронтов отводилась вспомогательная роль. Однако главнокомандующий фронтом генерал А. Е. Эверт, ссылаясь на слабую подготовку войск, отложил наступление. Только 15 июня силами гренадерского корпуса была сделана неудачная атака в направлении Баранович. Это дало генералу Эверту основание потребовать отложить наступление и дать время на его подготовку.

Неудачным было и наступление 3 июля, которое привело к большим потерям. Оно не оказало никакого влияния на наступательные действия войск Юго-Западного фронта, которые в это время осуществляли знаменитый Брусиловский прорыв и нуждались в поддержке. За девять дней боев под Барановичами 4-я армия Западного фронта потеряла убитыми, ранеными и пленными около 80 тысяч солдат и офицеров⁴⁴. Неудачные, с большими потерями наступления войск 4-й армии оказали отрицательное влияние на настроение солдатских масс. «Неудача операции лета 1916 г. (к ней относились и наступления войск 4-й армии в Барановичском направлении. – М. С.), по признанию генерала А. С. Лукомского, имела своим последствием не только то, что этим затягивалась вся кампания, но кровопролитные бои этого периода очень дурно отразились на моральном состоянии войск»⁴⁵.

Уже в начале 1916 г. солдатам стало ясно, что война затянется на неопределенный срок. Как свидетельствуют сводки военной цензуры, уже в апреле в письмах солдаты «мир нередко приурочивали к поздней осени, но высказывалось мнение, что война продлится еще год и более»⁴⁶. Однако настроение солдат, по словам военных цензоров, «продолжало оставаться бодрым, в ожидании скорых и решительных боев», заметно было «стремление довести войну до полной победы над врагом».

Несколько иным, по сведениям военной цензуры, было положение в тылу. Давая характеристику поступающей из империи на фронт корреспонденции, военные цензоры отмечали сообщения в письмах о понизившемся настроении в Петрограде, откуда «больше всего писали о влиянии немецкой партии», а отставка военного министра В. А. Сухомлинова «явилась лишним поводом к мрачным предположениям». Кроме того, отмечались «жалобы на дороговизну», отсутствие предметов первой необходимости, что ложилось «тяжелым бременем не только на сельское и рабочее население, но и на более зажиточные слои и озлобляли населе-

⁴² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 97.

⁴³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 118.

⁴⁴ Там же. Д. 295. Л. 537; Вержховский Д. В., Ляхов В. Ф. Первая мировая война: 1914–1918 гг. С. 178.

⁴⁵ Лукомский А. С. Воспоминания. Период Европейской войны. Т. 1. С. 104.

⁴⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 97.

ние», на «притеснения со стороны местных властей». В одном из писем, задержанных цензурой, «утверждалось, что в тылу очень ярко выражается ропот и даже возмущение по поводу так долго затянувшейся войны»⁴⁷.

Следует сказать, что и в войсках фронта, судя по сообщениям военной цензуры, не остались без внимания и нашли отражение в письмах недостаток обмундирования и сапог, замена последних лаптями, в отдельных соединениях невыдача сахара, хлеба, уменьшение порций мяса, а затем замена мяса рыбой. Последнее обстоятельство, как отмечалось в сводке за май, «вызывало многочисленные жалобы из разных частей фронта»⁴⁸.

Между тем продолжавшаяся война требовала все новых материальных затрат и еще больших людских пополнений. Так, если в 1915 г. было мобилизовано в войска более 4 миллионов человек, то в 1916 г. – около 5 миллионов призывников⁴⁹. Только из белорусских губерний к осени 1917 г. было мобилизовано 634 400 человек⁵⁰.

Все новые и новые массовые мобилизации обескровливали тыл, приводили в упадок производительные силы страны, особенно сельское хозяйство. По причине нехватки рабочих рук и тягловой силы (фронт мобилизовал более 2,5 миллиона лошадей) в 1916 г. произошло значительное сокращение посевных площадей основных производственных культур, а выращенный урожай не был полностью и своевременно собран. Все это привело к острому недостатку продовольствия и фуража, сокращению поголовья скота, в конечном счете разорению белорусской деревни.

В прифронтовых губерниях Беларуси, переполненных воинскими частями и беженцами, почти повсеместно не хватало хлеба, соли, мяса. Истощались запасы, до минимума сократился подвоз продовольствия. Достаточно сказать, что для нормального снабжения населения Витебской губернии в октябре – ноябре 1916 г. требовалось 1188 вагонов продовольствия, фактически же было завезено только 211⁵¹.

Ухудшалось положение солдат на фронте. Даже при наличии продовольственных фондов в глубинных районах страны из-за развала на транспорте в ноябре 1916 г. было погружено для армии 73,7 % вагонов продовольствия и фуража от положенного количества, а в декабре – только 67 %. «Вместо того, чтобы иметь месячный запас, мы живем ежемесячным подвозом. У нас недовоз и недоед, что действует на дух и настроение... Раскладка сокращена так, что дальше идти нежелательно», – заявлял на совещании в Ставке в Могилеве 17–18 декабря 1916 г. главнокомандующий Западным фронтом генерал А. Е. Эверт⁵².

Однако, несмотря на такие тревожные сигналы, положение со снабжением войск продовольствием все ухудшалось, приближаясь к кризисному. Начальник этапно-хозяйственного отдела 3-й армии в телеграмме от 3 февраля 1917 г. главному начальнику снабжения армий Западного фронта с тревогой сообщал, что «за последнее время мяса прибывает только 25 % суточной потребности. Подвоза скота тоже нет. Если подвоз скота и мяса не будет усилен немедленно, то через 2–3 дня армия окажется в крайне нежелательном положении в отношении снабжения мясом». В заключение он просил принять срочные меры⁵³.

Ответ на телеграмму не обнадеживал. Главный начальник снабжения армий фронта генерал Немов констатировал: «Подвоз мяса и скота из империи крайне неудовлетворителен...

⁴⁷ Там же. Л. 117.

⁴⁸ Там же. Л. 135

⁴⁹ Китанина Т. М. Война, хлеб и революция (продовольственный вопрос в России 1914 – октябрь 1917 г.). Л., 1985. С. 47.

⁵⁰ Игнатенко И. М. Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии. С. 47.

⁵¹ Победа Советской власти в Белоруссии. С. 64

⁵² Цит. по: Чаадаева О. Армия накануне Февральской революции. М., 1935. С. 20.

⁵³ РГВИА. Ф. 2053. Оп. 1. Д. 38. Л. 21.

Главное затруднение в перевозке. У вас 30 000 пудов рыбы, которую пока и расходуйте». Кроме того, «по крайней нужде» он предлагал реквизировать у населения⁵⁴.

В начале 1917 г. на Западном фронте катастрофически не хватало и других видов продовольствия. Генерал Немов, 22 февраля с тревогой сообщая главнокомандующему фронтом Эверту о том, что «некоторые войсковые части давно уже едят только рыбу, за недостатком мяса и жиров», добавлял при этом: «Вместо крупы войска получают чечевицу, а в последнее время вместо полной дачи хлеба – сухари». Недопоставлялись чай, сахар, сушеные овощи⁵⁵. «Систематический недовоз на фронт продовольственных продуктов, – констатировал в очередном донесении в первых числах марта 1917 г. главный начальник снабжения армий Западного фронта главнокомандующему фронтом, – довел запасы базисных магазинов до крайнего истощения. Если в ближайшее время не будет усилен подвоз, то войска вынуждены будут расходовать неприкосновенные запасы, так как в наличии на фронте ни муки, ни сухарей почти уже нет»⁵⁶.

Командование делало попытки восполнять недостающее продовольствие путем реквизиций у местного населения. Например, командующий 3-й армией 16 февраля отдал приказ производить реквизицию скота на мясо у земств Могилевской губернии. Следует отметить, что местное население, особенно в городах, голодало не меньше, чем на фронте. Например, в начале 1917 г. выдача продуктов по карточкам жителям Минска и других городов не оккупированной части Беларуси сократилась до минимума и составляла в Минске 4 кг ржаной и до 2 кг пшеничной муки и 400 г крупы, а в феврале – всего только 1 кг ржаной муки⁵⁷. В Беларуси, как и в крупнейших промышленных центрах страны – Петрограде, Москве, других городах, разразился сильный продовольственный кризис. Надвигался голод.

Местное население, прежде всего крестьянство, в основном сознательно относилось к выполнению предъявленной при реквизиции разверстке. Например, собравшиеся в конце декабря 1916 г. на волостной сход крестьяне Стояновской волости Минского уезда, выслушав предъявленное на основании постановления министра земледелия к ним требование «о поставке за установленную плату 306 пудов ржи на потребности, связанные с обороной», приняли решение «собрать указанное количество ржи и пожертвовать для нужд армии»⁵⁸. Командование в специальном приказе выразило благодарность крестьянам.

Затем приняло решение напечатать приказ в газетах, чтобы этот «похвальный поступок крестьян сделать известным» во всех губерниях прифронтовой полосы Западного фронта»⁵⁹.

Однако к началу 1917 г. у крестьян прифронтовых губерний Беларуси излишков хлеба не осталось и реквизировать было почти нечего. Так, по словам доклада губернатора Минской губернии, пытавшегося защитить крестьян от «реквизиции части запасов хлеба», сельское население могло остаться «необеспеченным хлебом и семенами, как в текущем году, так и в последующие годы»⁶⁰. Реквизировать же, согласно приказу главнокомандующего фронтом, разрешалось «только излишек сверхнеобходимого количества для годового прокормления и обсеменения полей».

Не менее сложным в войсках фронта в конце 1916 – начале 1917 г. было положение с фуражом, недостаток которого стал проявляться и нарастать еще с начала 1916 г.⁶¹. В середине ноября 1916 г. главнокомандующий фронтом генерал А. Е. Эверт приказал взамен недо-

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. Л. 6, 22.

⁵⁶ РГВИА. Ф. 2053. Оп. 1. Д. 38. Л. 35.

⁵⁷ Победа Советской власти в Белоруссии. С. 64.

⁵⁸ РГВИА. Ф. 2053. Оп. 1. Д. 38. Л. 27.

⁵⁹ Там же. Л. 27, 30.

⁶⁰ РГВИА. Ф. 2053. Оп. 1. Д. 38. Л. 3.

⁶¹ Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 57.

стающего зернового фуража для лошадей увеличить дачу сена. Однако вскоре, по словам доклада главного интенданта, «окончательно выяснилась полная невозможность подать на фронт потребное количество сена или соломы – всего в сутки 1100 вагонов, вследствие затруднений в заготовке и доставки его на фронт из-за неблагоприятных условий железнодорожного транспорта»⁶². В создавшейся ситуации начальник штаба Верховного главнокомандующего отдал приказ: из интендантских складов выдавать меньше половины «фуражной дачи», а остальную часть «заготавливать собственным попечением войск», то есть путем реквизиций⁶³.

Одновременно с продолжением войны, с ухудшением снабжения войск и в прямой зависимости от этого наблюдалось падение морально-политического настроения солдат. Чем хуже было положение на фронте, тем громче в войсках говорили о поголовном засилье в штабах шпионов, измене и «немецком засилье». Первые «жалобы на недостаток фуража для лошадей», на «крайнее утомление войной и неуверенность», «пожелания поскорее окончить войну и возвратиться к себе домой» отмечали военные цензоры в письмах солдат Западного фронта за октябрь 1915 г.⁶⁴. Письма с «угнетенным настроением» составляли 0,7 % от всех просмотренных цензурой.

В последующем количество таких писем возрастало и составляло за декабрь 1915 г. – 2,15 %, за январь 1916 г. – 4,0 %, за март – 4,1 % от количества просмотренных писем⁶⁵.

Угнетенное состояние солдат нарастало в связи со все возрастающими проблемами быта как самих фронтовиков, так и их семей, оставшихся в тылу без мужской рабочей силы. С конца 1915 г. в письмах на фронт все чаще с тревогой сообщали о возрастающей дороговизне жизни, недостатке рабочих рук, об отсутствии предметов первой необходимости, о спекуляции торговцев и т. д. Такие сообщения для солдат, по заключению военной цензуры, становились «главным предметом озабоченности»⁶⁶, вызывали их участливое отношение, интерес к «чисто семейным проблемам: об урожае, о земле, о пайках и другим, касающимся крестьянской жизни»⁶⁷.

Верховное командование было озабочено проявившимися симптомами отрицательного влияния неблагоприятного положения в тылу на солдатские массы фронта. Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М. В. Алексеев, ознакомившись с представленным ему военными цензорами заключением о настроении войск за январь 1916 г., составленным на основании «посылаемых и получаемых нижними чинами действующей армии писем», обратился с секретным письмом к председателю Совета Министров Б. В. Штюрмеру, в котором информировал его о «тревожных теневых настроениях» в тылу на почве «дороговизны продуктов первой необходимости» и «спекуляции торговцев», обращал внимание на «необходимость решительной борьбы с явлением вздорожания жизни, отражающимся столь неблагоприятно и в настроении армии»⁶⁸.

На почве необеспеченности, тягот и лишений, испытываемыми солдатами на фронте и их семьями в тылу, нарастали недовольство существующим государственным строем, его внутренней и внешней политикой, желание заключения мира. Это послужило основой для подпольной политической пропаганды в войсках политических партий. В сводке за декабрь 1915 г. военный цензор Западного фронта отмечал: «Попадается много писем, из которых видно, что

⁶² Там же. Ф. 2053. Оп. 1. Д. 38. Л. 6.

⁶³ Там же.

⁶⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 26.

⁶⁵ Там же. Ф. 2053. Оп. 1. Д. 38. Л. 22, 50, 57, 97.

⁶⁶ Там же. Л. 20.

⁶⁷ Там же. Л. 22.

⁶⁸ Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 97.

в последнее время кем-то распространяется между нижними чинами слух о скором заключении мира»⁶⁹.

Письма на фронт, с «признаками умышленной пропаганды», были задержаны военной цензурой и в марте 1916 г.⁷⁰

С 1915 г. усилился поток подпольных изданий в войска. Большевики использовали с целью доставки на фронт литературы различные кружки, занимавшиеся сбором и отправкой подарков солдатам, вкладывая и зашивая в отправляемые вещи листовки. Воззвания и прокламации переправлялись в войска в посылках, в ящиках с двойным дном, в подкладках и поясах одежды, в кисетах с табаком и т. д.⁷¹

Опорой большевиков в войсках по проведению агитационной пропаганды являлись мобилизованные на фронт за революционную деятельность и участие в забастовках фабрично-заводские рабочие. Поняв, какую опасность они представляют для армии, начальник штаба Верховного главнокомандующего уже в конце мая 1915 г. отдал приказ «воспретить пребывание среди войск на театре военных действий лиц, политическая благонадежность коих весьма сомнительна, и немедленно изъять их из армии»⁷².

Однако этих мер для предотвращения разложения армии было недостаточно. На смену удаленным и арестованным за политическую пропаганду в составе пополнений прибывали новые агитаторы. «Укомплектования, прибывшие к концу лета 1916 г. из запасных батальонов, по своим моральным качествам, были много хуже всех предыдущих, – признавал в воспоминаниях генерал А. С. Лукомский, – ясно чувствовалось, что в тылу в запасных батальонах начинается пропаганда против продолжения войны»⁷³.

Активной формой антивоенного движения становился отказ солдат и целых подразделений от наступательных действий. «К осени 1916 г. и в некоторых корпусах, бывших на фронте, были случаи пропаганды против командного состава и за прекращение войны, было несколько случаев неисполнения отдельными ротами и батальонами боевых приказов», – вспоминал позже генерал А. С. Лукомский⁷⁴. На Западном фронте осенью 1916 г. отказались идти в наступление дивизии 9-го армейского корпуса 2-й армии, а 1-я гренадерская дивизия гренадерского корпуса их активно поддержала⁷⁵. Отказалась идти в атаку 2-я стрелковая дивизия, занимавшая позиции под Барановичами⁷⁶.

Новой формой антивоенных выступлений было братание солдат русской армии с солдатами противника. Начавшись в конце 1915 г. на Юго-Западном фронте, в 1916 г. оно распространилось на другие фронты. На Западном фронте братание имело место в 70-й артиллерийской бригаде и некоторых других частях. Оно носило неорганизованный характер и сводилось к встрече в междокопной полосе в основном с целью меновой торговли предметами солдатского быта. Во всех случаях братания жестоко преследовались командованием – братавшиеся разгонялись ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем, сурово наказывались, вплоть до суда и расстрела.

⁶⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 50.

⁷⁰ Там же. Л. 97.

⁷¹ Революционное движение в армии и на флоте в годы первой мировой войны. 1914 – февраль 1917 г. С. 51.

⁷² Там же. С. 93.

⁷³ Лукомский А. С. Воспоминания. Период Европейской войны. Т. 1. С. 105.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ В борьбе за Октябрь в Белоруссии и на Западном фронте. Минск, 1957. С. 292.

⁷⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 227.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.